

Дмитрий ИГНАТОВ

Родился в 1986 году в Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Публиковался в изданиях «Знание – сила», «Знание – сила: Фантастика», «Искатель», «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «Нижний Новгород», «День литературы» и других в альманахах и сборниках. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO».

Живет в Воронеже.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСТРЕННЫЙ

Комендант Лаврухин пребывал в подавленном состоянии. Ожидание вымораживало душу начальника эшелона, как и всё внутреннее содержимое вверенных ему вагонов. Многотонный поезд уже пятый день стоял, застыв посреди заснеженной пустыни.

Выдохнув пар, комендант забрался по лесенке в тамбур, где столкнулся с Венечкой – стареющим интеллигентом в круглых очках и с вечно всклокоченной кучерявой шевелюрой. За время поездки Лаврухин так и не удосужился узнать, кем был Венечка по профессии – то ли писатель, то ли инженер, – намного важнее было то, что он каждый раз вызывал раздражение.

– Когда же мы поедem, любезный? – оправдал предчувствия Венечка, затягиваясь сигаретой, зажатой в замёрзших пальцах.

– Скоро. Скоро поедem, – отмахнулся комендант и спрятался за дверь, ведущей к локомотиву, куда Венечке как простому пассажиру было категорически запрещено входить. Там за толстой стальной переборкой простирался широкий отсек тендера, где морозный воздух снаружи смешивался со смолистым запахом угольной пыли и уже отчетливо веял теплом от раскалённой топки. Отметив, что угля заметно убавилось, Лаврухин прошёл к кабине машиниста Путилина, но застал того в кочегарке. От масла и сажи его лицо казалось ещё более сморщенным и измождённым, чем обычно.

– Ну, как там? Сидят? – устало спросил Путилин, вытирая пот со лба.

– Сидят, – подтвердил комендант.

– И чего им надо только?..

– Да шут их знает... – пожал плечами Лаврухин. – Вроде как ждут чего-то. А чего?

– Может, это... – машинист осторожно замялся. – С собой их возьмём? Чо они сидят-то?

– С собой? – комендант задумался, мысленно прикидывая, как будет уплотнять пассажиров, но, закончив свои подсчёты, ответил: – Это можно. А машина сдюжит?

– Сдюжит, – уверенно кивнул Путилин. – Чуток потише, но пойдёт точно. Ты знаешь... Ей, главное, ехать, – машинист не без удовольствия похлопал по гулкому боку топки. – Вот бы только помощника мне нашёл. На уголь поставить. А то я тут уже, как раб на галерах...

Кочегара и правда не хватало. Помер он с месяц назад и лежал теперь где-то в ледяной степи, зарытый прямо на насыпи железнодорожного полотна.

– Пожалуй, из новеньких и найду, – согласился Лаврухин.

– Хоть не просто так уголёк им давать, – вдруг добавил Путилин, и, поймав удивлённый взгляд собеседника, пояснил: – Да, были тут ходоки... Просили. Обещали пути освободить.

– А ты что же?

– Ну, отсыпал мешок. Жалко же... Помёрзнут, – машинист грустно и даже как-то виновато посмотрел на коменданта. – Ты бы это... Поговорил с ними ещё. Ну, как ты умеешь, по-дипломатически. Нам ехать надо. Машине стоять нельзя.

– Нашёл дипломата...

Лаврухин хмыкнул и вышел, про себя обругав Путилина «либеральничаящим гуманистом» и ещё парочкой мудрёных слов. А в тамбуре снова встретился взглядом с курящим Венечкой.

– И всё-таки желательно бы иметь определённую. Когда же мы поедем?

– Скоро! – ответил комендант, пытаясь сохранять самообладание. – Людей заберём и поедем. Займите своё место.

– Позвольте! Каких людей?! С какой стати?! Мы тут все за билеты платили... – Венечка хотел привести ещё какие-то аргументы, но Лаврухин уже спрыгнул с подножки и зашагал вдаль по снегу, а выходить на мороз за комендантом интеллигенту совершенно не хотелось. Он докурил сигарету и отправился в купе с твёрдым намерением выпить чаю – непременно с лимоном и сахаром.

* * *

Лагерь «ситдаунов» растянулся вдоль всего железнодорожного полотна. Старые торговые палатки были выставлены неровными рядами, иногда прямо по рельсам. Кое-как укреплённые натасканными со всей округи гнилыми досками, кирпичами, листами проржавевшего железа, каким-то тряпьём и прочей ветошью, они и представляли типичное жильё местных обитателей. Кажется, те, что изначально сюда пришли, просто очень боялись пропустить свой поезд. Но время шло, а заветный локомотив так и не показывался на горизонте. Сменялись поколения, забывались прошлые цели, и вот уже ожидание лучшей жизни постепенно стало самой жизнью. Теперешние обитатели лагеря, похоже, и сами больше не помнили, зачем сидели. Чумазые и оборванные, они жались друг к другу около костров, горящих внутри дырявых бочек. Очевидно, и внутри продырявленных душ этих людей, ещё тлел

какой-то странный огонёк надежды, подпитываемый или собственной полурелигиозной верой, или личным фанатизмом их лидера. В любом случае всё здесь делалось или не делалось исключительно по воле пузатого бригадира Коровчука.

Он по-турецки сидел на горе старых покрышек и своим широким раскрасневшимся лицом и вывалившимся через ремень жирным пузом напоминал Лаврухину какого-то азиатского хана. Не вынимая рук из карманов и никак не здороваясь, комендант сразу перешёл к делу:

– У нас были договорённости.

– Не слышал такого, – ответил Коровчук, чуть перемещая на крышке свой толстый зад.

– Обещали же Путилину.

– Ну, – физиономия бригадира расплылась в сальной ухмылке, – ему, может, и обещали, а вам нет.

– Какая разница? Вы сказали, что освободите пути.

– Наверное... Но мы же не говорили, что будем это немедленно выполнять, – не сводя взгляда с опешившего коменданта, толстяк продолжил: – Вы нам лучше ещё угольку отсыпьте. Одного-то мешка мало будет.

– Нет, – сдавленно выдавил из себя Лаврухин.

– То есть как это? Вы же... обязаны нам помочь.

Голос коменданта сделался твёрдым и приобрёл металлические нотки.

– Безусловно. Но никакого угля вы от нас больше не получите. Завтра поезд тронется. Желающие могут сесть и поехать с нами, остальным так или иначе придётся освободить пути. Всем всё ясно?!

Последние слова он буквально прорычал, поэтому Коровчук даже замахал своими пухлыми ручками.

– Хорошо-хорошо! Не будем горячиться, гражданин начальник. Идёт! Поедем! Но, в конце концов, нам нужно собраться, всё обдумать... Дайте хотя бы до послезавтра срок!

– Ну ладно, – смягчился комендант. – Но завтра я ещё приду.

Он колючими глазами обвёл притихших вокруг людей. Все они смотрели в ответ: кто со страхом, кто с угрозой, кто с непониманием. Похоже, что в этом худощавом высоком человеке в шинельке и фуражке они впервые увидели какой-то иной смысл, какую-то иную силу – совсем не такую, какая была у тучного бригадира, – и этим она их одновременно и привлекала, и пугала. Лаврухин отвернулся и, ощущая спиной человеческие взгляды, пошёл назад к эшелону. Стянуть с себя нестерпимо жмущие сапоги, сунуть замёрзшие ноги под колючее верблюжье одеяло и, растянувшись на проводницкой полке, забыться сном – вот, пожалуй, и всё, чего он сейчас хотел.

* * *

Поутру Лаврухина разбудил истошный крик: может, бабий, а может, и нет, но истеричный и какой-то визгливый. Впрочем, через минуту выяснилось, что кричал стареющий Венечка. Из его путаных объяснений следовало, что некто напал ночью на машиниста Путилина, по всей видимости, убил и скрылся. По снегу от паровоза в сторону лагеря действительно тянулся кровавый след. Металлический пол тамбура и скоба двери, ведущая к тендеру и кабине, тоже были перепачканы кровью. Вот только «убитый» сидел всё тут же, прикладывая к разбитой голове

платок. Лаврухин даже не знал, чему больше удивиться: внезапному воскрешению или тому, откуда Путилин достал платок, который в его промасленных чёрных руках казался белоснежным.

– Ну, вроде живой, – отметил комендант.

– Да вы гляньте на нашего рулевого! У него же рука трясётся! – продолжал причитать Венечка. – Как он теперь состав поведёт?!

– Да в порядке я, – недовольно пробубнил Путилин. – Обидно, что моим же ведром меня огрел...

– Кто?! Детали! – насел Лаврухин, отодвигая ставшего бесполезным интеллигента.

– Да не разглядел. Захотел по нужде выйти. Смотрю, кто-то в тендере копается. Шугнул. А он, видать, с перепугу меня... По фигуре вроде молодой.

– Ясно. «Ситдауны» эти наведались. Уголёк им наш нужен. Прото-рили дорожку, – озвучил комендант очевидный вывод и задумчиво посмотрел в сторону лагеря.

Там, где-то на конце сходящихся в точку рельсов, пестрели палатки и поднимался чёрный дым, но не было видно никакого движения.

– А вы ещё этих, с позволения сказать, граждан хотели к нам в поезд определить... Звери они там все! – поддакнул Венечка, но на него снова не обратили внимания.

– Не придёт никто, – проговорил Путилин. – А нам ехать нужно... Машина должна двигаться, а то совсем встанем. Смазка загуснет – поршни заклинит, а если ещё трубопроводы во внутреннем контуре замёрзнут и гайки разопрёт...

– Вот и займись внутренним контуром. Закручивай свои гайки! – огрызнулся Лаврухин. – А на внешнем уж я. Сказал «до завтра», значит – до завтра.

Поплотнее надвинув фуражку и подняв ворот шинели, он в очередной раз решительным шагом отправился в сторону стихийного поселения.

– Ну куда он снова? С кем там разговаривать? – покачал патлатой головой интеллигент Венечка, провожая коменданта взглядом из-под блестящих очков.

– С людьми, – ответил машинист, хотя и сам уже не был уверен в своих словах.

* * *

В лагере и правда не наблюдалось никакой человеческой активности. Ни следов рассыпанного угля, ни тем более крови на снегу не виделось. Награбленное ночью было уже давно и умело сныкано где-то в недрах этого помоечного караван-сарая. Однако судьба угля волновала Лаврухина в последнюю очередь. Завидев массивную фигуру Коровчука, комендант направился к нему. Бригадир, словно на троне, восседал в старом кресле на деревянных ножках и грел пухлые ладошки у горячей бочки, пока рядом сутились особо приближённые. Он тоже заметил приближение Лаврухина и, не поворачивая головы, заговорил первым.

– Ты вот знаешь, комендант, куда эти рельсы ведут?

– Туда ведут.

– А что – там?

Вопрос явно перебил боевой настрой коменданта.

– Ну, не знаю... Восток...

– Во-о-от, – довольно протянул Коровчук. – А мы тут посоветовались и, стало быть, решили, что нам всем нужно на Запад. Так что ты, комендант, не торопись. Переставляй паровоз. И вот тогда мы все с тобой поедem.

– Что?! – возмутился Лаврухин. – Это совершенно невозможно!

– Ну, привыкай, товарищ начальник, у нас тут, не как у тебя... Демократия. Народ решает.

– Ясно. Снова, значит, бредим... Время тянем? Не хотим договариваться? Так я пойду, мне плевать.

Комендант действительно собрался было уйти, но из группы сидящих чуть в стороне вдруг поднялся здоровый детина. В своём сереньком ватнике и коричневых сапогах он был почти не замечен, пока не распрямился в полный рост. От нервозности или для соблюдения некоего этикета он стянул с головы шапку, скомкал её в крепких пальцах, продемонстрировав свою пшенично-жёлтую шевелюру, а потом приблизился парой широких шагов и громко произнёс:

– А меня и Восток устраивает. Чего тут сидеть впустую? Ехать надо. Я так считаю.

На пяточке вокруг бригадирского кресла возникло напряжённое молчание. Лаврухин снова ощутил спиной, как оказался в центре внимания сотен глаз. Выглядывающие из-за пологов палаток, скрытые надвинутыми шапками, смотрящие исподлобья – все они сейчас чего-то ждали.

– Тебе что же, наши правила напомнить? – пробасил Коровчук. – Кто не сидит, тот лежит!

– Да мне плевать! – мужчина демонстративно вытянулся ещё сильнее, нагло зыркнув в сторону побелевшего от злости бригадира.

– Сядь!

– Не буду. Я так думаю. Ехать всяко лучше, чем тут жопу морозить, – детина огляделся по сторонам и заговорил совсем громко: – Ребята, девочки! Кто уже собрался? Давай за товарищем комендантом! Поедем уже хоть куда-нибудь! Поезд долго ждать не станет.

По палаткам пошло шевеление. К пяточку, на котором стояли Лаврухин и светловолосый мужик, начал подходить народ со своей немудрёной поклажей.

– А сам? – спросил комендант, заметив, что у здоровяка с собой ничего не было.

– А я потом. Тут ещё стариков много, баб... С детками опять же... Надо поговорить. Помочь. Завтра утром всех приведу.

– Звать-то тебя как?

– Савченко.

– Убьют тебя, Савченко... – проговорил Лаврухин.

– Кишка тонка! – усмехнулся детина. – Днём да поодиночке они трусливые. А ночью... Я не сплю.

Комендант кивнул, а потом повёл собравшихся к эшелону. По пути пожалел только, что не пожал руку этому мужику. Привык свои вечно держать в карманах. А после решил, что, может, оно и к лучшему – не раздражать лишний раз. Вдруг обойдётся?

* * *

Весь день до позднего вечера к поезду тянулись люди, замотанные кто во что. Группками по пять-шесть человек, гружённые небольшим количеством ручной клади.

Венечка стоял у открытой двери тамбура, смотрел, как новоприбывших распределяют по вагонам, и по обыкновению курил.

– И почему мы, скажите на милость, должны кого-то забирать? Вы уверены, что мест хватит? – пробурчал он, завидев Лаврухина.

– Не волнуйтесь. Всех разместим.

– Вы хоть их проверяли?

– Надо будет, каждого проверю. Может, с тебя начать? – огрызнулся комендант. Венечка замолчал, но со своего наблюдательного поста не ушёл. Продолжил с подозрительностью и любопытством вглядываться в незнакомые лица. Закурил вторую сигарету.

Мужики какие-то мрачные – рожа кирпича просит. Бабы в бесформенных пуховиках, закутанные в платки – как недавно из-под коровы. Некоторые с детьми. Такими же грязными и лохматыми. Сброд, одним словом.

Вот от общей массы отделилась фигурка поизящнее. Молодая девушка, лет двадцать от силы, тоже в куртке с капюшоном, но всё-таки помоднее, и видно, что симпатичная. И сразу к коменданту. Ну, понятное дело – будет мосты наводить. Проститутка, небось. Такие сразу чувствуют, к какому мужику следует присосаться.

От этих размышлений тонко организованной Венечкиной натуре стало отчего-то так противно, что он бросил недокуренную сигарету и ушёл в купе. Тем более что дальнейшего разговора новой пассажирки с Лаврухиным ему всё равно не было слышно.

– Товарищ комендант, – залепетала девушка. – Меня Ксанкой звать. Можно к вам обратиться?

– Что?

– У меня там жених остался... Колька.

– Что ж с тобой не пришёл?

– Говорит, что не возьмёте его. Боится он... – Ксанка опустила глаза. – Это ж он у вас на днях уголь воровал...

– А ты что же тогда его закладываешь? – усмехнулся Лаврухин.

– Да он не со зла... Дурак просто! – девушка серьёзно посмотрела на коменданта. – Это его боров наш, бригадир, заставил. Велел Кольке ночью уголь таскать, чтобы меня никто не тронул, а иначе... Вот Колька меня за два мешка и выкупил. Я говорю, вместе пошли, а он – сама иди, а ему, мол, сюда дорога уже заказана.

– Ясно, – Лаврухин на минуту задумался. – Ладно. Завтра ещё поговорю с вашим Савченко. Одобрит – возьмём твоего Кольку. Но только под твою ответственность.

Глаза Ксанки загорелись радостью, она вдруг так крепко схватила и обняла Лаврухина, что тот аж пошатнулся.

– Ой, спасибо вам, товарищ комендант! Спасибо огромное! Можно я вас поцелую?

– Не положено!

Отстранившись, Лаврухин оставил сияющую девицу и зашагал вдоль вагонов. Нужно было проконтролировать погрузку и размещение пополнившегося личного состава. И хотя человеческий ручеек, чёрной змейкой топавший через белое поле, к ночи окончательно иссяк, но спать коменданту не пришлось. Завтрашний день обещал быть непростым. Прокручивая в голове свои мысли, Лаврухин несколько раз наливал себе чаю, потом проверял, заряжен ли пистолет, поплотнее кутался в верблюжье одеяло, взбивал слезавшуюся подушку, но так и встретил предрассветные сумерки в каком-то полусонном забытии.

Окончательно он проснулся, когда Путилин начал греметь тяжёлой тендерной дверью. Накинув шинельку и засунув ноги в проклятые сапоги, комендант вышел в тамбур и молча поприветствовал машиниста. Вид у Лаврухина, похоже, был настолько разбитый, что Путилин даже выдержал паузу, решаясь снова завести свою обычную шарманку:

– Ну что? Поедем сегодня али нет? А то ведь...

– Да знаю, я! Знаю! – перебил его комендант. – Машина ехать должна. Смазка загустнет, поршни заклинит, гайки разопрёт... Поедем мы! Поедем! Прогревай аппарат.

Удовлетворённый ответом, Путилин заулыбался, но в тамбуре появился Венечка с необычной озабоченностью на одухотворённом лице.

– Простите, я краем уха услышал, что мы собираемся ехать?

– Так точно.

– Но позвольте! Как же?! Меня тут вчера Оксана Евгеньевна просветила... Там же, в этих тущобах, ещё люди остались. Дети, бабушки... Мы что же, теперь их бросим?

– И то правда, – согласился Путилин. – И Савченко этого так вчера и не появилось. Думал, будет мне кочегар...

– Вы, может, не будете меня нервировать?! – вскричал Лаврухин. – Успокойтесь уже! Никого не бросим.

Он буквально прыгнул с подножки в снег.

– Совсем замёрзнете так бегать, – проявил заботушку Венечка. – Вам бы пальтишко новое справить...

– Вот бы справить мне костюм себе из стали на... – бросил в ответ Лаврухин. – Грейте машину!

Преодолев расстояние до лагеря «ситдаунов» быстрее, чем обычно, он застал его в зловещем запустении. Часть палаток были разрезаны и перевёрнуты. По всей видимости, оставшись без хозяев, они оказались мгновенно разграблены соседями или приближёнными бригадира. Сам хозяин мусорного мирка в окружении нескольких мордovorотов был тут же – на своём месте. Развалившись в старом кресле, грел ручки у костра, подкидывая в бочку небольшие чурбачки.

Внезапно Лаврухин с ужасом заметил, что из ёмкости торчали обгоревшие ноги в знакомых коричневых сапогах. «Хоть бы обувку сняли...» – мелькнуло в голове у коменданта. – Ничего-то им не жалко...» Но свой вопрос задал предельно невозмутимо и с несколько отрешённой грустинкой:

– Убили всё-таки?

– Это наше внутреннее дело, гражданин начальник, – хмыкнул в ответ Коровчук.

Откуда-то из кучи тряпья, бывшего когда-то чьим-то жилищем, вылезла маленькая девочка, бросилась к Лаврухину и, уткнувшись в полы шинели, тихо прошептала:

– Это папка мой... Больше никого не осталось...

– Понятно. Рядом стой. – Комендант не глядел на девочку, а только сверлил глазами бесформенную фигуру бригадира. – Зачем убили, спрашиваю.

Коровчук поймал взгляд коменданта и растёкся в сальной ухмылке.

– А он сам... На шпалу упал и ударился. Несколько раз.

– Дядя милиционер, они врут всё! – пропищал ребёнок, крепче сжимая ручонками этого странного худого дядьку, будто сейчас в

нём заключалась последняя надежда. – Это они палками его ночью застучали.

– Знаю. Не бойся. Мы с тобой ещё подумаем, что с ними сделать...

– Не о том ты думать собрался, гражданин начальник, – усмехнулся бригадир. – Лучше подумай, может, не нужно тебе никуда ехать? Зачем? Оставайся. Будешь как сыр в масле кататься. Уголька надолго хватит. Разгрузишь свой тендер... А мы поможем.

Коровчук самодовольно хихикнул, но сразу поменялся в лице, потому что в него нацелилось чёрное пистолетное дуло. Бугаи позади главаря поднялись с мест, но ринуться вперёд без команды не решились.

– Все назад! Назад! Я ухожу. Ясно? Девочка идёт со мной.

Не выпуская из виду нацеленный на него ствол, бригадир продолжал увещевать коменданта, но тот уже не слушал.

– Так... И ещё... Есть тут Николай? Ну! Ксанкин женишок, который... Николай, выйди! – громче повторил Лаврухин.

Из-за спин подручных Коровчука показался щуплый паренёк.

– А этот папу бил, не помнишь?

– Нет... Он никого не трогал.

– Значит, тоже со мной пойдёшь, – приказал комендант Коле. – Ну! Быстро!

Тот пугливо обернулся, а потом перешёл поближе к человеку в шинели..

– Ах ты, крысёныш! Задавлю! – взревел главарь.

– Сиди уж! Любишь сидеть же. А то поскачешь у меня! – осадил его Лаврухин, угрожающе ткнув оружием, а потом оглянулся по сторонам, обращаясь ко всем прочим зрителям, незримо наблюдающим за сценой из своих укрытий. – Другие желающие есть? Нет?! Ну всё... Хотите сдохнуть, значит, сдохните. Увижу, что кто-то следом идёт, – стреляю сразу в лоб.

– Далеко всё равно не уедешь, – сквозь зубы процедил Коровчук.

– Поезд невозможно остановить.

– А это мы ещё посмотрим, гражданин начальник.

Комендант не стал продолжать эту бессмысленную перепалку. Только ещё раз посмотрел в сторону палаток с притаившимися внутри людьми, с обидой прошептал:

– Дебилы, мля...– плюнул в снег и пошёл назад к поезду вместе со встревоженным Колей и успокоившимся ребёнком.

Несколько раз он мысленно ругал себя за несдержанность. Никак нельзя было светить Макаровым. Неоправданный риск. Что у него? Восемь патронов. А у них – злость, кураж и одно на всех неудержимое желание завладеть халявной вольной. Расчёт лишь на то, что жирный боров засыт и не спустит свою шоблу. Эмоции. Ребячество. Как бы то ни было, погоня не входила в планы трусливого Коровчука, поэтому никакой погони так и не случилось. А локомотив был уже в паре шагов.

* * *

Лаврухин рассматривал поезд. Чёрная угловатая громадина, извергающая горячий пар, возвышалась на фоне белой земли и серого неба, словно фантастический дракон, вытянувший вдоль железнодорожной ветки свой длинный хвост. Одни колёса почти с человеческий рост. Спецрельс и полотно втрое шире обычного. Умели же раньше строить...

Настоящий левиафан! И что он таскал? Какие-нибудь боеголовки – не иначе. Отрыжка ядерной эпохи.

А что теперь? Куда он нас везёт? И зачем? Может, и проще вот так вот – сесть и ждать, когда на тебя свалится счастье? Да и есть ли оно в конце этого пути? Кто встретит? Не такие ли морготные морды?

Тягостные раздумья коменданта прервал паровозный свисток. Глянул – все уже погрузились, один Лаврухин стоял в снегу в нещадно жмущих сапогах. Поднявшись по длинной крутой лестнице, он громко закрыл последнюю дверь, пересёк тендер и заглянул в кабину.

– Ну чего? Поехали, что ли?

– Да там это... – закопчённое лицо Путилина выражало тревогу. – На рельсы какого-то говна натащили. И, кажись, шпалы пилят. Как бы жертв не было... Котёл-то у меня уже того – под парами.

Воцарилось молчание. Только громогласное урчание исполинской машины напоминало, что ей никак нельзя останавливаться.

– Что делать-то? – повторил вопрос машинист.

Лаврухин опять задумался, но тотчас вспомнил удивлённого Кольку. Его Ксанку, проданную за пару мешков угля. Испуганную девчонку, чьё имя он пока ещё даже не узнал. Вспомнил эти мерзкие рожи, столпившиеся вокруг растерзанного трупа белокурого Савченко. Вспомнил довольную и лоснящуюся жиром харю бригадира. И неожиданно для самого себя очень чётко ответил:

– Дави их, Путилин.